

Ованес Туманян
САКО ЛОРИЙСКИЙ

Перевод А. Гатов

1

*Вот Лорийское ущелье — неподвижны, там и сям
Скалы древние, седые, равнодушны к пропастям,
Скалы смотрят друг на друга, ничего не говорят.
Немигающий, упорный, неподвижный черный взгляд.
А внизу, у ног беснуясь, извивается Дзв-Бед.
Он выплевывает пену, дикой гонкой разогрет,
Бьет о берег каменистый, будто он крушит врагов.
Ищет он былых, цветущих, озаренных берегов
И ревет, не умолкая, ненавидя сонь и тишь:
«Ваш-виш-ш-ш! Ваш-виш-ш-ш!»*

*Из пещер глубоких, темных там на множество ладов
Слышен отклик беспокойных и дразнящих голосов.
То на вопль-стенанье Дзвэ все каджи, рассвирепев,
Откликаются, и слышно, как бушует гневный Дзв.
Завывают злые духи, и повсюду слышно лишь:
«Ваш-виш-ш-ш! Ваш-виш-ш-ш!»*

*По ночам, когда ущелье оживает от луны
И пугливыми лучами берега озарены,
Волны резвые играют с чистым лунным серебром.
Это, к жизни приобщаясь, скрыто в сумраке густом,
Пробуждается ущелье — дышит ужас под луной,
И ущелье обретает древний свой язык живой.
Монастырь на плоскогорье молится, как на тахте;
На краю утеса крепость, точно сторож, в темноте.
С темной башни на вершине, вознесенной к облакам,
Раздается безутешный крик совы по временам.
И, подобен человеку, молчалив и одинок,
Древний крест в ущелье смотрит, где Дзв-Бед рычит у ног.*

2

*Есть в ущелье этом домик над рекою высоко.
Грустно в домике сегодня одинокому Сако.
Он — пастух, и постоянно с ним живет пастух другой.
Но, как демон, этой ночью тот исчез — ушел домой.
Чабану в горах не сладко — до деревни далеко.
Тысяча одно несчастье происходит оттого:
Может, вышел корм собакам — от муки мешки пусты,
Или соли не хватило для овечьей баранты?
То ль яичницу у тещи съесть решил в той стороне?
То ли очень истомился — стосковался по жене,—
Бросил стадо и в деревню убежал он во весь дух.
Поутру собрал и вывел баранту один пастух.
Только выглянуло солнце на луга окрестных гор.
Возвратясь, Сако снял лапти и ступни себе растер.
Поразвесил для просушки он носки.
Лег у печки и раскиснул от тоски.*

3

*Ты один, но кто с тобою равен силой, богатырь?
Если он на землю ляжет, — великана рост и ширь!
Точно дуб! А если встанет он с дубинкою своей,
С набалдашником, который словно слиток из гвоздей,
И свирепых псов покличет, — дик, могуч и страшен он.
Зверь и вор обходят робко этот домик и загон.
Каждый божий вечер, только загорается звезда,
К пастуху приходят гости, наполняется ода^[28].
В печку — хворост, и свирелей начинается игра.
Песни, шутки-прибаутки, пляска юная быстра.*

4

*У Сако сегодня скучно. Темнота и тишина.
В доме глухо-одиоко без второго чабана.
Он разлегся поудобней — от камина шло тепло.
И так много разных мыслей неожиданно пришло.
Он ущелье увидел — вековую глушь и тьму,
Тут — то бабушкины сказки сразу вспомнились ему,
Сразу вспомнились, и, темной этой древности под стать
Он о духах злых невольно начал думать-размышлять:
Как они толпой веселой на своих ногах кривых,
Принимая ночью образ тюркских женщин молодых,
К людям грустным, одиокоим, не просясь, приходят в дом.
Вспомнил он каджи,*

которым есть что делать здесь кругом.
Лишь увидят из пещеры человека на скале
Или путника, устало проходящего во мгле, —
Родственным или знакомым подражая голосам,
Зазывают на пирушку, поднимают шум и гам.
Бьют наотмашь в барабаны и играют на зурне...
Сказки бабушки покойной зазвучали в тишине,
Будто в детство золотое возвратился снова он,
Сказок древние напевы — точно призрак, точно сон;
Они зовут:

«Сако, приди,
Сыграем свадьбу мы на диво!
Мы буйно пляшем, погляди!
Невесты-девушки красивы.

Возьми лепешку у меня!
Смотри, яичница какая!
Я — твоя тетя, я — родня,
Я — твоя нани, я — родная.

С тобой я буду так нежна!
Тебе любовь платочком машет.
Красавица поет и пляшет,
Трани-на-на! Трани-на-на!»

И нелепые картины безобразной чередой,
Возникая в беспорядке, взор смущают молодой
И к Сако идут навстречу грузной поступью своей.
Но, мгновенно превращаясь в пляску медленных теней,
Удаляются неспешно, разлетаются они,
Тени злобные уходят в их пещеры-западни.

5

Может быть, то лань метнулась? Или это серый волк
Мимо домика промчался? Иль качнулся древний ствол?
Или прыгнула козуля к пропасти на самый край
И свалила ножкой камень сверху в бездну невзначай?
Или ветер кружит листья и бросает на скалу?
Или мечется мышонок, заблудившийся в углу?
Или блеянье ночное пробудившихся овец?
Он прислушивался долго, и решил он наконец:
Кто-то влез в его загон.

Кто?

Прислушивается он...

6

Кто в трубу бросает сверху то золу, то горсть песка?
Кто в ертык сию минуту посмотрел исподтишка?
Кто легко прошел по крыше, тихо-тихо, точно мышь?
Кто ты там, эгей! Откликнись! Притаился и молчишь?
Нет ответа. Только слышен Дзорагета хриплый стон.
Ах, я знаю, кто там бродит! То — Геве. Никто как он.
Кто отважится? Все знают пса свирепого... «Геве!»
Не боюсь...

«Геве!»...

В ответ он не услышал ничего.

И еще страшней молчанье, да ревуций Дзорагет.
Дзорагет о берег бьется. Ни людей, ни ветра нет.
Мир уснул. Спит ветер. Только духи темные не спят
И шныряют по ущелью взад-вперед, вперед-назад,
Свой бесовский пир справляют на скалистой высоте
И танцуют, словно тени, веселятся в темноте.
Одинокого им нужно человека... Нет ли тут?
И в загон они проникнут... С визгом-хохотом вбегут.
Тяжело пастух вздыхает. Вот на тлеющий огонь
Он уставился глазами и прижал ко лбу ладонь.
Лихорадит великана, и лежит он не дыша.
Переполнена смятеньем горца дикая душа.

Не волчья тень, не ветра крик, —
Нет, звезды сыплются в ертык,
В пастушьей хижине сверкают.
Он хочет вверх взглянуть, но страх
Сжимает сердце и в ушах
Шушуканье, шипенье, шорох.
И в дверь удары, от которых
Он в ужасе. — Да, это он!
Ха-ха! Ха-ха! Он нам смешон!
Ха-ха! Взгляни-ка, погляди-ка!
Оцепенев, он смотрит дико...

Шевельнулся он, свой ужас, наважденье превозмог.
Только пуще задрожал он, поглядев через порог.
Шырк! Раскрылась дверь, качаясь, и ворвался хоровод,
Перед ним кружится быстро, песни звонкие поет.
Черноглазых, смуглых женщин — он их видит — полон дом.
Рев и писк их безобразный, смех и хохот их кругом.

7

Это страшное ущелье. Только краешек луны
Из-за туч украдкой взглянет. Звезды в тучах не видны.

В этот час, когда ужасен пропастей скалистых вид,
По Лорийскому ущелью великан Сако бежит.
Демонские за собою он услышал голоса,
Злые духи вслед пустились, по ветру — их волосы.
Настигают и хватают за руку его... Потом,
Замахнувшись, бьют змеиным отворотительным хвостом,
А каджи в своей пещере барабанят и дудят;
Голосов знакомых звуки к пастуху Сако летят.

«Сако, на свадьбу к нам приди!
Повеселимся мы на диво!
Мы буйно пляшем, погляди!
И много нас, невест красивых.

Возьми лепешку у меня!
Смотри, яичница какая,
Я — твоя тетя, я — родня,
Я — твоя нани, я — родная.

С тобой я буду так нежна!
Моя любовь платочком машет.
Красавица поет и пляшет,
Трани-на-на! Трани-на-на!»

А Дзв-Бед летит, грохочет и ревет, бурлив и зол:
«Убежал Сако, держите! Он с ума сошел».